

**Проблема преодоления кризиса культуры
в русской и европейской философии XX века:
А. Швейцер, Н.А. Бердяев, В.В. Биbihин
(к 150-летию со дня рождения А. Швейцера)**

© Ю.Л. Гришатова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, 117198, Россия

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, 125047, Россия

Рассмотрено философское наследие А. Швейцера и Н.А. Бердяева как ярких представителей европейской и отечественной философской мысли первой половины XX в. и В.В. Биbihина как представителя отечественной философии рубежа XX и XXI вв. Сопоставлены их идеи, выявлены основные сходства и различия, определено, какие признаки и черты кризиса культуры фиксируются в работах философов и какие пути преодоления этого кризиса они предлагают в своих концепциях. Сделан вывод, что каждый из философов характеризовал современное ему состояние культуры как кризисное. Показано, что одними из значимых признаков или «симптомов» культурного кризиса все мыслители, несмотря на разницу подходов, называют сверхзанятость, перегруженность современного человека, захваченность сознания непрерывным информационным потоком, который продолжает расти благодаря развитию современных информационных технологий, а также постоянную вовлеченность во множество локальных повседневных событий, что не оставляет места для реализации творческого потенциала и обращения к вечным и подлинным культурным ценностям. Выявлен основной лейтмотив концепций выхода из кризиса, которые предлагал каждый из философов: необходимость возвращения к духовным, морально-нравственным основам человеческого бытия, превосходство духовного начала над материальным, приоритетное развитие творческих потенций как в отдельной человеческой личности, так и в обществе в целом.

Ключевые слова: кризис культуры, гуманизм, оптимизм, общечеловеческое мировоззрение, разум, возрождение культуры

Проблема кризиса культуры постоянно возникает на протяжении XX в. и поднимается разными мыслителями, представителями различных областей знания и науки: философами, историками, культурологами, искусствоведами; это симптоматично в том числе потому, что начиная с рубежа XIX и XX вв. во всем мире идет активный процесс «массовизации» культуры, который продолжается в настоящее время. Обратимся к осмыслению и анализу проблемы культурного кризиса в европейской и отечественной философской мысли XX в.,

рассмотрев специально посвященные этой теме работы трех философов: А. Швейцера, Н.А. Бердяева и В.В. Бибикина.

Альберт Швейцер, которого считают одним из величайших гуманистов XX в., изложил концепцию современного ему состояния культуры в своем фундаментальном философском труде «Философия культуры». В рамках статьи будем опираться прежде всего на его вторую часть «Культура и этика» (1923). Швейцер в ней обозначает кризис, или «закат», культуры, имея в виду европейскую культуру, но работа и философские тезисы, изложенные в ней, носят столь фундаментальный характер, что их довольно легко распространить на мировую культуру в целом: «Мы живем в условиях, характеризующихся упадком культуры. И не война создала эту ситуацию — она сама есть лишь ее проявление... Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что принято называть культурой... Сейчас уже для всех очевидно, что самоуничтожение культуры идет полным ходом» [1, с. 33, 34]. Причиной кризиса культуры Швейцер называет кризис философии: наблюдается уход «оптимистического мировоззрения» и рационализма, материальное начало начинает доминировать над духовным. Образцом для философа является философия и культура Просвещения с ее верой в развитие, прогресс и разум, оптимистическим отношением к действительности. Однако, по мнению Швейцера, с середины XIX в. ситуация меняется, философия перестает нести предупредительную функцию и направлять культуру, не осознавая, что «энергия вверенных ей идеалов культуры начала иссякать» [1, с. 36]. По убеждению Швейцера, философия призвана обогащать культуру идеями и ценностями, а также предупреждать возможные кризисы. Этого, по мнению философа, в его современности уже не происходит, современное ему состояние культуры он называет «бескультурьем».

Выделим духовные и общественные факторы, которые, по мнению Швейцера, ведут к кризису культуры.

1. Кризис гуманизма, ослабление связей как между отдельными людьми, так и между человеком и обществом в целом. Швейцер фиксирует характерный процесс в духовной культуре второй половины XIX — начала XX в.: от равнодушия, сострадания и гуманизма к отъединенности, потере общечеловеческого начала, автономии и замкнутости только на себе, в конечном счете — бесчеловечности.

2. Перегруженность, сверхзанятость и, как следствие, физическое и психологическое перенапряжение современного человека. Это следствие вовлеченности людей в процесс промышленного производства, экономических отношений. При этом философ имеет в виду не только физический труд (например, работу на фабрике), но и так

называемый корпоративный труд, который несложно ассоциировать с деятельностью человека в рамках современной системы организаций, промышленных компаний и корпораций. Человек оказывается морально и психологически «выжат» в современном офисе точно так же, как и на заводе. Признаки этой перегруженности постоянно встречаются в современном мире, отражаясь как на психологическом, так и на физическом состоянии людей. Кроме этого, формируется феномен не всегда правильного и здорового, не имеющего границ трудоголизма и зависимости от текущих обстоятельств (автору статьи ранее довелось работать в коммерческих организациях, где люди трудились в будни с огромными переработками без какой-либо компенсации, довольно часто выходили в выходные). В результате такой перегруженности, согласно мысли Швейцера, у человека формируется настоящая потребность в «расслабленном» отдыхе, не связанном с каким-либо культурным развитием. Интеллектуальные занятия, познание мира, культурные потребности, осознание себя в мире — все это становится не столь второстепенным, сколь невозможным в этих условиях. Сверхзанятость современного человека «ведет к умиранию в нем духовного начала» [1, с. 42]. Понятия материальной и духовной свободы, по мнению философа, взаимосвязаны.

3. В качестве отдельного результата научно-технического прогресса и «корпоративной» вовлеченности у людей отмечается сужение профессиональной специализации и компетенций до ограниченных рамок, универсальность и синтетичность мышления заменяется ограниченностью и узостью не только в мировоззрении, но и в профессии. Это влияет на мировоззрение и способ мышления современного человека: целостное мышление уступает место локальному, творческое начало подавляется узкой направленностью деятельности и производства.

4. Давление на человека со стороны общества, СМИ и массовой культуры, потеря идентичности, индивидуальности в мышлении и идейном поле, рост стереотипного мышления, детерминированность массовым сознанием и снижение ценностных норм. Швейцер называет этот процесс поглощением или деморализацией современного человека обществом. Он фиксирует и усиленно критикует следующий социокультурный феномен: вместе с массовизацией культуры наблюдается ее снижение, упрощение как с точки зрения общих критериев качества создаваемых культурных объектов (мыслитель приводит в пример литературу, театр и даже публицистику), так и с точки зрения популяризации новых «массовых», «упрощенных» культурных форматов (например, кабаре как возникшая в то время и довольно популярная альтернатива театра).

5. Интеграция человека в различные организации, институты, корпорации, потеря самостоятельности в принимаемых решениях, что ведет к ослаблению индивидуального, личностного, мыслящего начала, — Швейцер пишет о феномене «бездумья» в общественной жизни. Он называет современную ему эпоху новым средневековьем, которое характеризуется отказом от индивидуальности, давлением «массовых», стереотипных установок в обществе и уходом от вечных и непреходящих культурных ценностей (интересно сходство термина с «новым средневековьем» Н.А. Бердяева, его концепция этого понятия будет рассмотрена далее).

Таковы основные черты кризиса культуры согласно концепции Швейцера. Можно отметить, что состояние культуры первой четверти XXI в. имеет схожие проблемы и «симптомы». Тем не менее, в отличие от О. Шпенглера и многих других мыслителей своей современности, Швейцер верит в возможность возрождения культуры. Свою идею культурного ренессанса он формулирует в знаменитой концепции этики благоговения перед жизнью. Это универсальная идея и мировоззренческий принцип, имеющий целый ряд сформулированных философом характеристик и необходимых компонентов, таких как:

- воля к жизни как осознанный факт сознания, выраженный в формуле: «Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить» [1, с. 306];
- необходимость целостного и органического мировоззрения, базирующегося на этике, нравственности и оптимизме, возврат и обязательность четко очерченной морально-этической «матрицы» в индивидуальном сознании каждого человека;
- установка на творческое развитие, мыслительный процесс и осмысление своего места в мире, осознание смысла жизни и ценностей бытия, истинное познание, переходящее в переживание сущности всех явлений жизни;
- высший смысл этики благоговения перед жизнью — «безграничная ответственность за все, что живет» [1, с. 308];
- соблюдение принципов гуманности в своей индивидуальной жизни, даже когда она «полемизирует» с действительностью, должно стать необходимым императивом, неизменной и высшей ценностью человеческой жизни.

Таковы основные принципы этики благоговения перед жизнью, которая является позитивной концепцией мыслителя, имеющей целью преодоление кризиса культуры. Сложно переоценить роль Швейцера в формировании этико-гуманистического подхода в культурном и общечеловеческом мировоззрении XX и XXI вв., его концепция и идеи остаются актуальными в настоящее время.

Н.А. Бердяев обращается к теме кризиса европейской культуры в двух статьях: «Конец Ренессанса и кризис гуманизма», являющейся частью фундаментального труда «Смысл истории», и в более ранней статье «Предсмертные мысли Фауста», опубликованной в сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922) и посвященной осмыслению и трактовке русскими философами известной книги О. Шпенглера. В этих работах Бердяев формулирует свою концепцию преодоления кризиса и возможностей нового культурного ренессанса. Проанализируем, как осмысливается данная тема в его статьях.

От Ренессанса Бердяев начинает отсчет ренессансного периода истории — целостного временного периода, включающего Ренессанс и Новое время, характеризуемого гуманистическим мировоззрением и особым миропониманием, заложенным в эпоху Возрождения. В статье «Конец Ренессанса и кризис гуманизма» Бердяев констатирует конец ренессансного периода истории в современности (конец XIX — начало XX в.) и подробно анализирует его причины. Бердяев связывает конец ренессансного миропонимания с «гибелью целостного человеческого образа», которая, по его мнению, имеет место в новейших авангардных течениях искусства — импрессионизме и особенно футуризме. Для Ренессанса характерно гармоничное, целостное понимание человека и человеческого образа, идущее из античности; целостные формы отражали гармонию природы и божественного творения, в результате которого возникает предметный и чувственный мир. В новейших авангардных течениях целостный образ распадается, дифференцируется на множество частей, теряет связность, понятный и четко очерченный образ уходит, и вместо него появляется хаотичный набор частей и предметов [2, с. 534]. Строгие формы расплываются, образ распыляется в пространстве, уступая место хаотичному матричному набору вещей, признаков и свойств, и в этом, по мнению Бердяева, выражается конец ренессансного видения мира, конец целой эпохи новой истории, уступающей место новейшей истории с новым взглядом на мир, которому положил начало модерн. Авангардное разложение образа, по Бердяеву, — это сознательный протест против ренессансного миропонимания, в котором человек разочаровался, поскольку оно не дало смысла жизни, не привело к гармонии. Освобождение человека в гуманизме в итоге отрывает его от всех основополагающих идей и приводит к обратному эффекту — еще большему закреплению и потере умственной свободы, отрицанию результатов творчества: «Если для ренессансного периода была характерна большая умственная свобода, с которой и начался Ренессанс, то в конце этого периода умственная свобода теряется. Человек в этой безграничной умственной свободе как бы истощил свои умственные силы и начинает поработать самого себя,

отрицать результаты той умственной работы, которая была произведена им на протяжении всей новой истории» [2, с. 537]. Человек, отчужденный от высших смыслов и в итоге от самого себя, естественным образом испытывает разочарование, приводящее к творческому кризису, кризису культуры. В то же время Бердяев связывает этот кризис с несоответствием результатов творчества изначальной его цели, «творческому заданию»; цель творчества по Бердяеву — творение высшей реальности, надмирного, высшего бытия, и именно это не удастся осуществить творцу, он оказывается «замкнут» в земном, «внутримирном» выражении результата своего творения. Несоответствие творческого задания и результата рождает бессилие и неудовлетворенность. В этом Бердяев видит основное противоречие, которое наиболее обостряется в конце ренессансного периода истории, когда человек оказывается разочарованным как в своей независимости, всесильности и пафосе гуманизма, так и в результатах своего творчества, не принеся с собой настоящей творческой свободы и гармонии [2, с. 537]. Трагедия творчества, его внутренний кризис, ведущий к ощущению безвыходности и разочарования человеком-творцом, по Бердяеву, — главный симптом конца Ренессанса, так как здесь заканчивается эпоха свободного творческого полета, ренессансной «свободной игры», а без свободного творческого самовыражения нет и самого Ренессанса, потому что теряется его ключевое содержание. Напротив, вместо творческого подъема как протест против этой неудовлетворенности внутри культуры поднимаются дикие, неуправляемые процессы, «внутренние взрывы», которые сигнализируют о конце эпохи гуманизма [2, с. 538]. В позиции Бердяева чувствуется глубокое сопереживание современной ему ситуации в культуре; кризис гуманизма и конец Ренессанса — симптомы общеевропейского творческого и культурного кризиса, который Бердяев глубоко переживает как философ и тонкий ценитель культуры. Невозможность творчества, упадок творческих энергий уводят человека из «царства свободы» в «царство необходимости», проникнутое зависимостью от материального мира, «связанностью» практическими и прагматическими целями — переходом из состояния культуры в состояние цивилизации.

К теме судьбы ренессансной личности, воплотившейся в образе Фауста, Бердяев обращается в более ранней статье «Предсмертные мысли Фауста», опубликованной в сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922) и посвященной осмыслению и трактовке русскими философами известной книги Шпенглера. Как известно, Шпенглер называет западноевропейскую цивилизацию фаустовской, и Бердяев здесь апеллирует к его книге «Закат Европы», в чем-то соглашаясь с немецким мыслителем, а в чем-то полемизируя. Но одна

из основных мыслей, которая является лейтмотивом данной статьи, — это смерть Фауста как прототипа ренессансной личности и вопрос о возможности ее возрождения. Бердяев пишет о дихотомии бесконечности стремлений и ограниченности возможностей, которая есть в душе Фауста, о союзе с Мефистофелем, к которому она была вынуждена прибегнуть, чтобы реализовать свои бесконечные желания и стремления, и об истощении духовных сил как следствии этого длительного и неразрешимого противоречия. По мысли Бердяева, Фауст в этом процессе бесконечных стремлений переходит от религиозной духовной культуры к безрелигиозной и бездуховной цивилизации и этим предопределяет свой конец: «...В безрелигиозной цивилизации истощается творческая энергия Фауста, умирают его бесконечные стремления. Гете выразил душу западно-европейской культуры и ее судьбу» [2, с. 366]. Проводя параллели со Шпенглером, Бердяев отмечает, что Шпенглер в своей книге фиксирует конец европейской культуры и окончательный переход ее в цивилизацию. Фаустовская душа — это душа христианского мира с его стремлением к бесконечным и высшим божественным началам. Таким образом, «изменив» своей основной сущности — христианскому началу, фаустовская душа, по мысли Бердяева, поставила под удар судьбу всей европейской культуры: «Фауст не выносит времени исторической судьбы, он не хочет до конца ее изживать. Он — усталый и истощенный новой историей, соглашается лучше умереть, пережив краткий миг цивилизации, явленной на вершине культуры... Фауст перестает понимать смысл и связь судьбы, потому что для него померк свет Логоса, померкло солнце христианства» [2, с. 372]. Бердяев характеризует конец ренессансного периода как «сумерки Европы» (здесь видим сходство с концепцией Шпенглера), так как на этом, по его мнению, заканчивается период расцвета европейской культуры и фиксируется начало «Нового Средневековья», которое характеризуется совершенно другим мирозерцанием, мировоззрением и культурными формами. Гуманизм сам себя привел к отрицанию гуманизма; человек, стремящийся к автономности и независимости от высших сил, — к отрицанию этой независимости; человек-творец — к отрицанию творчества и разочарованию, и именно так, по Бердяеву, заканчивается Новое время.

Ренессанс с позиции Бердяева — это не только возрождение культуры и искусства, но и возрождение человеческой души через творчество. В переписке с А. Белым мыслитель описывает свое осмысление особой «эпохи творчества», которая должна прийти на смену всем прошедшим эпохам и привнести новое историческое миропонимание и новое религиозное сознание [3, с. 123]. В конце ренессансного периода человеческая душа истощилась, пришла

к собственному отрицанию, поэтому ей необходимо снова возродиться, чтобы творить; должна наступить новая эпоха творчества, новый Ренессанс, и Бердяева не покидает вера в возможность этого нового Ренессанса: «Мистическое возрождение чувствует себя вхождением в ночную эпоху... Мы стоим перед новым рассветом, перед солнечным восходом. Вновь признана должна быть самоценность мысли (в Логосе), как светоносной человеческой активности, как творческого акта в бытии... Сознание наше, по существу, переходное и пограничное. Но на грани нового мира рождается свет, осмысливается мир отходящий» [2, с. 20]. О. Волконогова отмечает: «Не одну страницу своих произведений он посвятил анализу современного ему состояния общества. Он оценил это состояние как кризисное, как «конец ренессансного периода в истории»... Безграничная умственная свобода, которую принес человечеству Ренессанс... начала истощаться, исчерпывать себя, а ее результаты — техника, машины — лишь поработали человека. Наступила эпоха разочарования. Самые гордые и смелые мечты человека не осуществились, “человек стал бескрылым”, время после средневековья было временем растраты человеческих сил. Сам гуманизм, будучи оторванным от религиозной почвы, привел к своей противоположности — к антигуманизму “мещанской цивилизации”» [4, с. 269–271]. Бердяев фиксирует эту деградацию как «потрясение», разложение человеческого образа, бывшего цельным и четко очерченным в христианской культуре и потерявшего форму и смысл в конце ренессансной культуры, — разложение, которое наблюдается в различных сферах культуры и общественной жизни. Такая личность начинает искать новый духовный центр, новый высший смысл и высшее начало, без которого угасает творческая энергия, истощаются духовные силы и размывается грань между настоящим творчеством и сублимацией. Поэтому, по мысли Бердяева, в данный период происходит обращение к религии, новый расцвет религиозных течений, обратный отход от ренессансной секуляризации к христианским духовным основам, наступает новая эпоха христианского духа, которую можно типологически соотнести со Средневековьем, вслед за Флоренским Бердяев называет ее Новым Средневековьем. В Новом Средневековье, по мысли Бердяева, человек должен провести «христианскую работу над человеческим образом», определенную работу над собой, пойти на достаточно большие жертвы, во многом себя ограничить и снова возвратиться к некоторым элементам средневекового аскетизма, «вернуть» себе христианское самосознание на новом, еще более глубоком уровне. Только таким путем, по Бердяеву, возможны новое накопление творческой энергии, духовный расцвет человечества и новая эра в культуре и искусстве. Таким образом, происходит формирование новой антропологической идеи,

в основе которой лежит синтез творческого начала и гуманистического стремления к познанию мира с христианским миропониманием. Мечтой Бердяева остается христианский Ренессанс, который не повлечет за собой отрыв от религиозных основ и автономию от божественных начал и поэтому не закончится растратой творческих сил и потерей собственной идентичности.

В отличие от Шпенглера, Бердяев отрицает и не принимает перспективу окончательного угасания европейской культуры и смерти фаустовской души в надежде на новое ее возрождение. Дальнейший путь Фауста оказывается направленным к духовному внутреннему миру, к «внутренней бесконечности», противопоставляемой внешней бесконечности, которая представляется пройденным этапом, в итоге приведшим в никуда. Бердяев надеется на будущее новое, христианское возрождение духовной культуры, «когда явятся Св. Франциск и Данте новой эпохи» [2, с. 372]. Концептуализируя историю и состояние европейской культуры через духовную сущность ее субъекта, Бердяев подтверждает свою теорию о конце ренессансного периода истории, который символически представляется как «предсмертные мысли Фауста», и выражает надежду на грядущее христианское возрождение, связанное с возвратом к религиозным основам христианской духовной культуры.

Бердяев отмечает, что «Шпенглер в русском Востоке видит тот новый мир, который идет на смену умирающему миру Запада» [2, с. 379]. Можно обоснованно утверждать, что в трудах Бердяева получает свое развитие идея русского возрождения: философ верит в то, что будущий христианский ренессанс может быть построен на почве русского православия и национальной идентичности. В статье «Конец Ренессанса и кризис гуманизма» мыслитель пишет о роли России в историческом процессе, и Россия предстает как возможное «место действия» нового христианского возрождения. По мысли Бердяева, русская литература не гуманистична по своему духу, стилю и нарративу; напротив, она религиозна и апокалиптична, в ее основе лежит жажда искупления грехов мира и идея христианского спасения. Философ упоминает Толстого, Гоголя и Достоевского — своих любимых писателей, центральной темой для которых всегда был и остается человек. При этом он обращает внимание, что у Достоевского свой, особый, не ренессансный гуманизм — писатель проникает глубоко в духовные основы и психологию человеческого существа, где вскрывает все трагическое и наболевшее. Поэтому это скорее глубоко психологичный, «трагический» гуманизм, который противостоит ренессансному и, более того, показывает его внутреннюю несостоятельность [2, с. 544]. Бердяев фиксирует особую и уникальную роль России в осознании кризиса европейского гуманизма,

что связано как с особенностями русской философии истории, так и в целом с особенностями русского мирозерцания, которое проявляется в творчестве, литературе и искусстве. Он проводит мысль об «апокалипсичности» русской религиозной философии, о перманентном стремлении к предельным основаниям, эсхатологичности, что выражается в творчестве и философии многих русских мыслителей [2, с. 544]. Таким образом, Бердяев выражает надежду, что Россия создаст какую-то новую идею на обломках старой идеи гуманизма, привнесет нечто свое и, возможно, даст толчок к возрождению и развитию творческой эпохи, что станет началом христианского ренессанса. Философ отмечает, что в русском мирозерцании имеет место сочетание язычества и аскетического монашеского православия. Для него характерны несколько признаков, в частности, постоянный поиск царства Божиего, стремление к надмирным высшим началам, характерный эсхатологический переход, поэтому, по Бердяеву, вопрос судьбы России в какой-то степени связан с переходом от материального мира к духовному. Россия — загадка, которая еще не разгадана; Россия не Восток и не Запад, а «Востоко-Запад» — она призвана соединить мир Востока и Запада. При этом, по мысли философа, очень важно сохранение национальной самобытности России, ее разрушение губительно и неоправданно даже в целях служения человечеству. Бердяев выражает надежду на новое возрождение, новый христианский ренессанс, который придет вслед за новым расцветом внутренних духовных сил и высших начал, заложенных в человеке христианством. У России есть все возможности и внутренние потенции, подготовленные ее тысячелетней христианской историей, для того чтобы новое возрождение произошло именно здесь. По сути, творчество — это и есть оправдание человека, по мысли Бердяева; на оправдании человека через творческий акт и переход в высшее духовное бытие философ основывает свою концепцию антроподицеи. Таким образом, Бердяев верит в возможности нового культурного ренессанса и надеется на его полное становление и реализацию, а также на полноценное выполнение человеком-творцом возложенной на него творческой и духовно-нравственной миссии как цели и смысла человеческого существования.

Очевидно, что проблема кризиса культуры и его преодоления в настоящее время остается актуальной. Для того чтобы дать яркий пример ее осмысления в философской мысли рубежа XX и XXI вв., обратимся к работе, хронологически гораздо более близкой к современности — книге В.В. Биbihина «Новый Ренессанс» (1998), посвященной трактовке западноевропейского Ренессанса и философскому анализу понятия культурного возрождения в целом. В ней автор отмечает, что тема возрождения культуры будет актуальна всегда,

представляя возрождение как общечеловеческий культурный феномен, который циклически повторяется в ходе исторического процесса. Таким образом, возрождение в современном понимании этого слова перестает быть характеристикой определенного периода истории культуры, это понятие приобретает более универсальный и общечеловеческий смысл. В применении к современной эпохе Биbihин пишет о необходимости нового возрождения культуры, философии и мировоззрения, способного предотвратить «конец истории», которым, по мысли философа, закономерно заканчивается эпоха постмодерна: «Нужно задуматься, не слишком ли послушно мы дали загнать себя в безвременье, в застой, в постмодерн, в конец истории» [5, с. 18]. При этом он видит новый ренессанс как восстание против исторической судьбы, приводя в пример итальянское Возрождение как творческий бунт — преодоление схоластики и неподвижных абсолютов Средневековья. Возрождение, пробуждая творческую жизнь, становится началом процессов творения новой истории с новым пониманием культуры, науки, искусства, а также человека и его места в мире. Автор приводит в пример слова Жюль Мишле, который впервые использовал термин «Ренессанс»: «Во имя жизни мы должны снова восстать... человек обречен на возрождение» [5, с. 17]. По мысли Биbihина, только возрождение способно предотвратить упадок европейской цивилизации и дать новый смысл человеческому существованию [5, с. 18]; в современности становится «слишком тесно для настоящих событий» [5, с. 18]; в то же время история невозможна без событий, а возрождение является временем не только настоящих событий, но и глобальных культурно-исторических переворотов. Именно поэтому «Запад будет идти от Ренессанса к Ренессансу, и Восток тоже» [5, с. 18]; возрождение предстает как праздник, источник радости, колоссальный подъем творческой энергии и общечеловеческого потенциала, который может происходить циклически, снова и снова, и его новой территорией могут быть как Россия, так и Европа.

Биbihин рассуждает о том, возможно ли возрождение сейчас, в эту эпоху, есть ли вероятность, что оно действительно произойдет, готово ли человечество к нему как исторически, так и ментально. Философ делает это через призму мировоззрения современного человека, создавая собирательный образ современника и давая ему весьма интересную характеристику. По мнению исследователя, современный человек не мыслит для себя возможности ренессанса как возрождения древних культурных и духовных ценностей по той причине, что считает себя и современную эпоху исключительной и несводимой ни к каким критериям и идеалам прошлого: «Современный человек так исключителен, что он ушел в неизвестность, в темноту,

и к нему стали неприменимы какие бы то ни было мерки, оценки и критерии. Во всяком случае древность к теперешнему человеку неприменима. Он, небывалый, исчез из глаз. Древняя мысль, поэзия; добродетель, добротность были, наверное, хорошими, но прежними. Теперь все совсем другое» [5, с. 34]. Современный человек слишком закручен водоворотом событий, в которые оказывается втянут, подчиняясь стереотипам, диктуемым современным образом жизни с ее огромным количеством практических запросов и непрерывным информационным потоком (поскольку он живет в цифровую эпоху, которую можно назвать эпохой информации). Информация становится одной из главных ценностей, но при этом Бибикин обращает внимание на то, какая именно информация сейчас ставится во главу угла: на первое место выходят экономика и политика, а все, что связано с культурой, оказывается на предпоследнем месте. Такая захваченность локальной, повседневной действительностью ведет к уходу от непреходящих историко-культурных основ и ценностей. Здесь следует отметить сходство с идеями Швейцера о перегруженности сознания современного человека, поглощении человека обществом, не оставляющих места для культурной, творческой и духовной деятельности.

По мысли Бибикина, таким «уходом» от истинных ценностей современный человек обрекает себя на одиночество. Вместе с потерей всех критериев и начал, на которые можно опираться как исторически, так и ментально, теряются смыслы. Бибикин представляет современного человека как блудного сына, ушедшего от отца и пока не собирающегося возвращаться; основная мысль в том, что современный человек как бы «отрывает» себя и свою эпоху от непрерывного исторического процесса, происходит эскапизм в постцивилизацию: «В своем самом главном и в самом главном для нас Ренессанс от нас закрыт нашим воображением, что будто бы в нашей запредельной исключительности мы потерялись из виду так, что происходящее с нами не измеришь никакой мерой. Мы постклассические, постнеклассические, постмодерные, постреволюционные, посткапиталистические, и не приставайте к нам больше с метафизикой, не читайте нас по Платону, по Гегелю, по Хайдеггеру. Хайдеггер принадлежал еще эпохе, после которой мы уже пост» [5, с. 36]. Современный человек протестует против любого возврата к чему бы то ни было, не мысля этот возврат как прорыв на новый уровень культуры, а скорее как возвращение в историко-культурную «колею», которого он не хочет в силу убежденности в своей исключительности и автономии от всего, что было в прошлом (по мнению Бибикина, и то и другое бездоказательно): «Что такое Ренессанс, мы поэтому можем выучить (он есть возрождение античности), но представлять его себе все равно будем как что-то выручающее из беспредела, возвращающее в колею.

Мы справедливо не хотим возвращения в колею. Мы поэтому думаем, что ренессансные люди были другие, классичные, правильные и так далее, но мы-то не такие, к добру или не к добру, мы исключительные» [5, с. 35]. Это рассуждение весьма интересно с той точки зрения, что автор помещает вопрос о возможности нового Возрождения в антропологическую плоскость, проблематизируя прямую зависимость от человеческого фактора. Мировоззрение современного человека с его оторванностью от историко-культурного мировосприятия и абсолютной уверенностью в своей исключительности может помешать этой возможности, не дать Ренессансу случиться. Бибихин критикует данный мировоззренческий подход и выражает надежду, что современный человек рано или поздно «опомнится», «отцы вернутся», а вместе с ними — возможность возрождения как необходимого события для национальной и мировой культуры: «Не будем поэтому, все равно у нас ничего не получится, устраиваться на свое новое постклассическое житье своими теперешними средствами. Так или иначе отцы вернутся. Ренессанс нам поэтому как необходимость предстоит» [5, с. 37]. Таким образом, утверждается довольно смелая мысль о том, что без Возрождения невозможна история сама по себе: «Ренессанс тогда окажется сутью истории, которая была и остается порывом к возвращению» [5, с. 37]. Причем этот порыв к возвращению для Бибихина — это не «склеивание прошлого из остатков», а искание настоящего.

Возврат к древним абсолютам, будь то античность (Ф.Ф. Зелинский, И.Ф. Анненский) или дионисийство и национальные основы культуры (Вяч. Иванов), — это не реинкарнация прошлого, а, наоборот, создание будущего в настоящем, тот самый прорыв к новизне, без которого невозможна история: «Настоящим оказывается то будущее, в котором настает древнее. Оно возвращается впервые, потому что было оно без того, чтобы вместить все настоящее. Древности прошлого как настоящего еще не было, она будет. Для этого требуется не отстраивать музеи и реставрировать мертвые языки, формы культурной деятельности, а собирать все настоящее, т. е. мир. Ренессанс вводит в узел, в котором завязывается история, т. е. настоящее время, которое должно наступить» [5, с. 37, 38]. Ренессанс у Бибихина оказывается не культурным периодом, исторически ограниченным во времени и в пространстве, а универсальным, «мировым» событием, которое невозможно ограничить. Автор верит в возможность ренессанса в современности, и именно в этом, по его мнению, спасение от «конца истории». Таким образом, по мысли Бибихина, в настоящее время человечество стоит на пороге новой исторической эпохи (он неоднократно упоминает, что эпоху европейского Ренессанса также необходимо включить в официальную историческую периодизацию

как отдельный период). У людей есть возможности и накопленный творческий и культурный потенциал для нового ренессанса — нужно просто суметь ими правильно воспользоваться. Тема ренессанса как восстания против исторической судьбы очень логически ложится в современные реалии, в данном случае это восстание против эпохи «пост-», которую автор характеризует как «безвременье». Но для этого человек должен вернуться к полноте и целостности своего существования, научиться выходить из водоворота повседневности, почувствовать «захваченность историей», свое присутствие и свою роль в ней. Как можно видеть, Бибихин легко применяет понятие ренессанса к современному периоду истории. Анализируя достижения итальянского Возрождения, он в то же время пишет, что человеческая история именно сейчас подошла к тому этапу, на котором чувствуется необходимость нового ренессанса. Можно отметить, что в фокусе данной концепции тема Возрождения остается актуальной для рассмотрения и анализа с точки зрения социокультурного, философского и исторического дискурса в современном мире.

Интересно сопоставить концепцию нового ренессанса В.В. Бибихина с концепцией нового средневековья Бердяева. Несмотря на то что эти концепции сформированы в разное время и их разделяет почти век, можно заметить в них сходные черты. В статье «Кризис искусства» (1918) Бердяев отмечает, что переход от Средневековья к Возрождению, как и любая смена культурных парадигм, сопровождался глубоким кризисом, а эпоху европейского Ренессанса он характеризует как время, «когда отпущены были на свободу человеческие силы, и шипучая игра их порождала красоту» [6, с. 4]. В своей современности он видит конец классического ренессансного периода истории Западной Европы — конец «новой истории», также сопровождающийся закономерным культурным кризисом. Бибихин тоже пишет о кризисе, но скорее о кризисе «пост-истории». Новое средневековье, по Бердяеву, призвано принять в себя возрожденческий опыт свободы, но в обязательном сочетании с религиозным началом, поэтому после Возрождения невозможен возврат к старому средневековью, а возможно лишь «новое средневековье», философ видит его как «революцию духа» и переход к новому христианскому сознанию [7, с. 519, 520]. Таким образом, в обеих концепциях наступление новой эпохи неразрывно связано с возвращением к духовным основам культуры: новое средневековье, по Бердяеву, приходит через возврат культуры к религиозному центру и христианскому сознанию, новый ренессанс в концепции Бибихина приходит через возврат к целостному мироощущению, к вечным и непреходящим ценностям, истокам национальной или мировой культуры с целью нового их прочтения — к «захваченности историей». Уже были

отмечены параллели между идеями Швейцера о вытеснении духовного и культурного начала, связанного с перегруженностью и сверхзанятостью современного человека, и мыслями Бибикина относительно «захваченности» современного человека непрерывным потоком локальных событий, информационных поводов и стереотипных моделей, которая закрывает возможность осмысления истинных ценностей и преодоления кризиса культуры. Швейцер, так же как и Бердяев, отмечает разложение целостного мышления и целостного человеческого образа, подавление истинно творческого и культурного начала, происходящее под воздействием роста «организационного», «корпоративного» давления на человека и дифференциации труда. Процессы, описываемые Швейцером, хорошо иллюстрируют то самое материальное «царство необходимости», противостоящее, по Бердяеву, духовному «царству свободы», в котором личность может творить и выполнять свое земное предназначение. Все это Швейцер фиксирует как признаки глубокого культурного кризиса, и ранее уже было отмечено, что мыслитель называет современное ему состояние общества «новым средневековьем», употребляя этот термин в значении, противоположном по смыслу концепции Бердяева.

Можно сделать вывод, что всех трех авторов объединяет одна идея — каждый из них видел в своей современности историческую необходимость и возможность нового этапа развития национальной и мировой культуры. Каждый из них по-своему формулировал и определял главное условие преодоления культурного кризиса. Безусловно, для того чтобы наступил новый ренессанс, необходимо вернуться к началам, на которых испокон веков зиждется наша культура, в индивидуальной и общественной жизни поставить приоритет на духовные, этические основы культуры и цивилизации, что позволит многократно увеличить роль и значение творческого начала, без которого, как известно, невозможна культура как таковая. И, конечно, можно согласиться со Швейцером и Бибикиным в том, что для этого необходимо «вынырнуть» из перегруженности, захваченности сознания водоворотом локальных и повседневных событий, подняться над дискретным информационным потоком и посмотреть на текущий момент и на действительность с точки зрения ее взаимосвязи с национальной и мировой культурной историей. Согласно Бердяеву и Швейцеру, необходимо выйти из продиктованных действительностью узких рамок и вернуться к целостному органическому мировоззрению, воспитав в себе новое понимание гуманизма как высшей общечеловеческой ценности. Каждый из упомянутых философов видел этот возврат по-разному, но все они утверждали, что он необходим. Хочется верить, что найдется возможность его осуществить, и выразить надежду, что человечество выберет именно этот путь —

путь к новому культурному ренессансу, заключающемуся в этике благоговения перед жизнью Швейцера, или к новому средневековью в его представлении Н.А. Бердяевым. Главное — не допустить совсем другого возврата, редукции к «старому» средневековью, поскольку, учитывая многие современные реалии (рост взаимной неприязни и агрессивной общей атмосферы вследствие социального и экономического расслоения в обществе, возрастающее число панических настроений и спонтанных, не всегда продуманных решений под воздействием различных политических и экономических событий), этот путь также кажется не лишенным вероятности.

В 2025 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Швейцера, а в 2024 г. — 150 лет со дня рождения Бердяева. Как можно видеть, их концепции преодоления кризиса культуры и изложенные в них идеи остаются актуальными. В заключение хотелось бы привести еще одну цитату из книги Биbihина, которая вполне применима как к современности, так и к любому отдельно взятому периоду истории: «Верно понятая современность — это момент, когда возрождение становится возможно» [5, с. 24].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Швейцер А. *Культура и этика*. Москва, Прогресс, 1973, 343 с.
- [2] Бердяев Н.А. *Смысл творчества: Опыт оправдания человека*. Москва, АСТ, 2002, 688 с.
- [3] Голлербах Е.А. Религиозно-философское издательство «Путь» (1910–1919 гг.). *Вопросы философии*, 1994, № 2, с. 123–135.
- [4] Волконогова О.Д. *Бердяев*. Москва, Молодая гвардия, 2010, 390 с.
- [5] Биbihин В.В. *Новый Ренессанс*. Москва, Наука, Прогресс-Традиция, 1998, 496 с.
- [6] Бердяев Н.А. *Кризис искусства*. Москва, Издательство Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918, 48 с.
- [7] Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. Москва, Институт русской цивилизации, 2012, 615 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Проблема преодоления кризиса культуры в русской и европейской философии XX века: А. Швейцер, Н.А. Бердяев, В.В. Биbihин (к 150-летию со дня рождения А. Швейцера). *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 2. EDN GDJIRC

Гришатова Юлия Леонидовна — канд. филос. наук, ассистент кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, старший преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета. e-mail: grishatova_yul@rudn.ru

The Problem of Overcoming the Crisis of Culture in Russian and European Philosophy of the 20th Century:

A. Schweitzer, N.A. Berdyaev, V.V. Bibikhin

(On the 150th Anniversary of the Birth of A. Schweitzer)

© Yu.L. Grishatova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, 117198, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125047, Russia

The philosophical legacy of A. Schweitzer and N.A. Berdyaev was examined as that of prominent representatives of European and Russian philosophical thought of the first half of the 20th century, as well as that of V.V. Bibikhin as a representative of Russian philosophy at the turn of the 20th and 21st centuries. Their ideas are compared, the main similarities and differences are identified, and the key features and characteristics of the cultural crisis reflected in their works are determined, along with the ways of overcoming this crisis proposed in their concepts. It is concluded that the contemporary state of culture was characterized by each of the philosophers as a crisis. It is shown that among the significant features or "symptoms" of the cultural crisis, excessive busyness and overload of modern individuals are identified, along with the domination of consciousness by a continuous flow of information, which continues to increase due to the development of modern information technologies. Constant involvement in numerous local everyday events is also emphasized, which, among other things, leaves no room for the realization of creative potential and for turning to eternal and authentic cultural values. The main leitmotif of the proposed ways out of the crisis is identified in each philosopher's concept: the necessity of returning to the spiritual and moral foundations of human existence, the primacy of the spiritual over the material, and the priority development of creative potential both in the individual and in society as a whole.

Keywords: crisis of culture, humanism, optimism, universal worldview, reason, revival of culture

REFERENCES

- [1] Shveytser A. *Kultura i etika* [Culture and ethics]. Moscow, Progress Publ., 1973, 343 p.
- [2] Berdyaev N.A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow, AST Publ., 2002, 688 p.
- [3] Gollerbakh E.A. Religiozno-filosofskoe izdatelstvo "Put'" (1910–1919 gg.) [Religious and philosophical publishing house "Put'" (1910–1919)]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 2, pp. 123–135.
- [4] Volkonogova O.D. *Berdyaev* [Berdyaev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010, 390 p.
- [5] Bibikhin V.V. *Novyy Renessans* [New Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., Progress-Traditsiya Publ., 1998, 496 p.

- [6] Berdyaev N.A. *Krizis iskusstva* [Crisis of art]. Moscow, Izdatelstvo G.A. Lemana i S.I. Sakharova, 1918, 48 p.
- [7] Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2012, 615 p.

Grishatova Yu.L., Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Lecturer, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Senior Lecturer, Department of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities. e-mail: grishatova_yul@rudn.ru